

После полудня в Клинику китайской медицины вошла женщина лет тридцати, бережно поддерживая своего отца. Под громогласное приветствие шестерых дюжих охранников у входа она приблизилась к столу Ху Фаньюаня.

Взглянув на диагноз в направлении — рассеянный склероз, — Фаньюань нахмурился.

— Раз вы знали, что у дяди Чжэна рассеянный склероз, неужели в медицинском центре вам не выписали никаких лекарств?

Будь у них хоть поддерживающие препараты, болезнь вряд ли довела бы мужчину до столь плачевного состояния — сейчас он был почти полностью парализован.

Госпожа Чжэн замялась, прежде чем ответить:

— В центре сказали, что лекарства могут лишь притупить боль и временно облегчить симптомы, но остановить прогрессирование болезни они не в силах.

Именно поэтому в отчаянии она хваталась за любую соломинку, из-за чего и стала жертвой мошенников. Будь её характер чуть слабее, одно лишь чувство вины за то, что она своими руками приблизила гибель отца, доверившись проходимцам, давно бы её раздавило.

В современной медицине рассеянный склероз считался неизлечимым. После постановки диагноза пациенты могли протянуть ещё года тридцать, но для большинства из них эти годы превращались в сущий ад. Симптомы ломали волю, растаптывали человеческое достоинство. В таком состоянии жизнь трудно было назвать благословением. Этот человек, в отличие от жизнерадостной Хун Яньхуань, совсем опустил руки. На вид ему было немногим больше пятидесяти, но его безучастный, угасающий взгляд выдавал в нём глубокого старика, стоящего на краю могилы.

Однако привычные медицинские догмы не имели силы для Ху Фаньюаня, обладавшего уникальным Пространством лекарственных растений и унаследовавшего древние знания Долины Медиков. Пока теплилась жизнь, он мог спасти почти любого. Осмотрев пациента, Фаньюань мягко коснулся его запястья, нащупывая пульс.

Спустя пару минут напряжение сошло с его лица. Он поднял на госпожу Чжэн тёплый, ободряющий взгляд:

— Дядя Чжэн держится молодцом. Могу с уверенностью сказать вам, сестрица, — эту болезнь я вылечу.

Биение пульса без слов выдавало, с какой трогательной заботой дочь ухаживала за больным отцом. Хотя недуг и сковал его тело, общий жизненный тонус оставался на удивление крепким.

Женщина ошеломлённо замерла. Слово «вылечу» казалось ей несбыточным сном. Потребовалось несколько мгновений, чтобы обрести дар речи.

— П-правда? Это правда возможно?

— Традиционная китайская медицина смотрит на человеческий организм иначе, чем современные медицинские центры, — мягко пояснил Фанъюань. — То, что они называют рассеянным склерозом, для нас — результат пагубного воздействия внешних патогенов, застоя жизненной энергии Ци, скопления токсичной мокроты и повреждения управляющего меридиана Ду-май. Но раз мы знаем причину, достаточно лишь подобрать верное лекарство.

Госпожа Чжэн не нашлась что ответить. Она лишь низко поклонилась юноше и, с трудом сдерживая рыдания, прошептала:

— Спасибо вам... Извините, я на минутку выйду.

Она торопливо покинула кабинет. А через пару минут с улицы донёсся надрывный, полный облегчения и выплаканного горя плач.

В кабинете воцарилась долгая тишина. Фанъюань перевёл взгляд на безучастное лицо больного.

— Дядя Чжэн, у вас прекрасная, преданная дочь, — негромко произнёс доктор. — Поймите, её счастье напрямую зависит от вашего настроения.

Её и без того терзало чувство вины, а эта каменная маска безразличия на лице отца ранила её глубже любых упрёков. Ради неё, если уж не ради себя, он не должен был угасать живым трупом. Подобное безволие убивает близких вернее любой болезни.

Вскоре госпожа Чжэн вернулась, заметно успокоившись, хотя её глаза всё ещё были красными от слёз. Войдя в кабинет, она с любопытством уставилась на разложенные на столе бумажные свертки с целебными травами.

— Это лекарственные сборы, — с улыбкой пояснил Фанъюань. — Я подробно распишу, как их правильно заваривать, вам нужно лишь строго следовать инструкции. Предупреждаю сразу: отвар будет невероятно горьким. Но как бы тяжело ни шло лечение, бросать нельзя. Через шесть дней жду вас снова.

Он сделал паузу, выделяя интонацией следующие слова:

— И обязательно соблюдайте диету. Список запрещённых продуктов я приложу. Старайтесь чаще бывать на солнце и, главное, не унывайте. Лечение травами — процесс небыстрый, так что наберитесь терпения.

— Хорошо... С-спасибо вам, док... доктор... — неожиданно сиплым, прерывистым голосом заговорил старик, опередив дочь. Каждое слово давалось ему с трудом, но в мутных глазах наконец-то блеснула искра жизни.

Госпожа Чжэн замерла, потрясённая до глубины души, и снова расплакалась:

— Папа?

— Прости... прости меня, дочка, — прошептал он.

Фанъюань уткнулся в экран своего биокомпьютера, деликатно делая вид, что полностью поглощён записями.

"И зачем люди так поступают? Мы же не гусеницы какие-нибудь, чтобы добровольно замуровывать себя в кокон уныния и тоски. Только силы зря переводят."

А затем мысленно похвалил себя:

"Эх, до чего же я хорош! Мало того что тело лечу, так ещё и душевные раны латаю. Настоящий целитель!"

Когда первый порыв чувств утих, госпожа Чжэн активировала свой биокомпьютер и робко спросила о стоимости лечения.

Фанъюань заговорщически подмигнул ей:

— Оплата только после полного выздоровления. Так что извольте строго выполнять все предписания, иначе я не получу ни единого кредита и страшно разозлюсь.

Слыша это, женщина невольно улыбнулась сквозь слёзы:

— Договорились. Я прослежу, чтобы труды нашего маленького доктора не пропали даром.

Фанъюань подавился воздухом. «Маленького доктора»?! Ну и что с того, что он выглядит молодо? Он, между прочим, её объедать не собирался!

Проводив взглядом уходящих посетителей — те вошли в клинику раздавленными горем, а покинули её с затеплившейся в сердцах надеждой, — Чжо Цзюнь неторопливо отхлебнул травяной чай. Проигнорировав ворчание юного лекаря, он с ехидной ухмылкой поддел его:

— Надо же, маленький доктор Ху. Не знал, что традиционная медицина занимается ещё и

семейной психологией.

— Отвяжись! — Фаньюань закатил глаза. — Хорошее настроение способствует выздоровлению, неужели не ясно? Хотя куда тебе, у тебя ведь только мышцы работают, а в голове сквозняк. Хм!

Чжо Цзюнь безмолвно поперхнулся чаем.

"Переход на личности — это уже слишком!"

Но в глубине души командир восхищался им. Не прошло и дня, как он заступил на дежурство при этой лавке, а уже воочию узрел, что такое истинное милосердие целителя. Современные врачи в медицинских центрах редко баловали пациентов подобным участием, заботясь лишь о сухих показателях приборов.

Вечером, едва Сюй Цзыфэн переступил порог дома, его встретил сияющий от гордости Ху Фаньюань. Не дожидаясь расспросов, юноша затрещал как сорока, выкладывая все подробности дневных успехов и щедро приправляя рассказ самовосхвалением.

Закончив повествование, пока примостившийся рядом Чжо Цзюнь безмолвно сдерживал усмешку, Фаньюань с заговорщическим видом извлёк свой заветный чехол с золотыми иглами:

— Так, раз до ужина ещё есть время, давайте-ка я и вас немного потыкаю. Для профилактики!

Только тут Цзыфэн заметил дедушку Сюя, который сидел на диване, утыканный иглами словно дикобраз, и со страдальческим вздохом взирал на происходящее.

Быстро прикинув в уме, маршал вспомнил, что старик проходит курс терапии уже седьмой день. Вчера был перерыв, а сегодня экзекуция возобновилась.

— Значит, дедушке положено шесть дней процедур, день отдыха, а потом ещё шесть? — поинтересовался он.

— Именно, — кивнул Фаньюань. — Шесть дней иглоукалывания и травяных отваров. Ему уже намного лучше, но курс бросать нельзя.

— И нам тоже достанется? — Цзыфэн приподнял бровь. Раньше доктор не проявлял подобного рвения к их телам.

Вспомнив его энтузиазм на входе, маршал едва сдержал улыбку. Подумать только, парень

принял всего пару пациентов, а радости — как у ребёнка.

— Нам ведь это не обязательно, верно?

Он мягко, но настойчиво увлёк раздухарившегося лекаря в сторону кухни. Чем позволять ему размахивать острыми предметами, лучше направить эту кипучую энергию на приготовление чего-нибудь вкусного. Например, супа.

Только очутившись у плиты, Фаньюань осознал, что его провели. Увидев распахнутый холодильный шкаф, до отказа забитый свежим мясом космических зверей, он почувствовал, как у него задёргался глаз. Юноша резко развернулся, свирепо зыркнув на возвышающегося за его спиной маршала.

— Я тебе не кухарка! — возмутился он в полный голос.

Однако руки жили своей жизнью: пальцы сами собой потянулись к увесистому куску отборного рубца.

Уставившись на зажатый в ладони деликатес, Фаньюань мысленно взвыл. В его голове пронеслась целая лавина ругательств.

"Какого чёрта?! Мои руки совершенно живут своей жизнью! Мозг тут вообще ни при чём!"

Пока он пытался обуздать собственные конечности, Цзыфэн мягко забрал у него рубец и, вооружившись ножом, принялся ловко пластовать мясо на аккуратные ломтики.

Ну вот, без меня меня женили!

Фаньюань недовольно надулся и извлёк из запасов сушёные плоды померанца и семена имбиря.

— Держи. Сегодня сварим суп из рубца с померанцево-имбирным составом. Отличное средство для укрепления селезёнки, улучшения пищеварения и восполнения жизненных сил.

Маршал молча кивнул, его руки двигались с армейской точностью и быстротой. Спустя минуту гора идеальной нарезки лежала на доске. Фаньюань принялся отмерять пропорции целебных трав, отправляя их в глиняный горшок.

— Завтра... — начал было Цзыфэн.

— Слушай! — одновременно с ним воскликнул доктор.

Оба замолчали, переглянувшись. Фаньюань чуть склонил голову набок:

— Что завтра?

Маршал едва заметно улыбнулся.

— В последние годы среди солдат участились случаи странных недомоганий. Хочу отправить нескольких из них к тебе в Клинику китайской медицины на осмотр.

Фаньюань изумлённо моргнул, и он всё понял:

— Так вот откуда у тебя эта вечная тревога в ауре! Из-за них?

— Да, — помрачнел Цзыфэн. — Слишком многие из моих ребят за последнее время скорпостижно скончались прямо на службе. Сердце просто останавливалось без видимых причин.

Причин для внезапной смерти молодого и крепкого организма в медицине насчитывалось не так уж много, и Фаньюань мог перечислить их по пальцам. Однако подобные патологии обычно косили пожилых людей, но никак не молодых, закалённых тренировками бойцов. Конечно, виной могли стать хроническая усталость, нервное истощение или вредные привычки вроде алкоголя и стимуляторов, но в условиях строжайшей армейской дисциплины массовый характер это принять не могло.

Разгадка крылась в ином — либо тайные препараты, либо яд. Впрочем, грань между ними порой бывала призрачной.

Немного поразмыслив, Фаньюань спросил:

— Ты завтра придёшь вместе с ними?

— Нет, — покачал головой маршал. — С передовой пришли тревожные сводки: замечена подозрительная активность зергов. Мне нужно лично вернуться на фронт и скоординировать оборону. На это уйдёт несколько дней.

— А... вот как, — выдохнул доктор, и его приподнятое настроение мгновенно улетучилось. В груди шевельнулось странное, щемящее недовольство. Он ведь прекрасно понимал, что маршалу место на поле боя, но с момента их знакомства они ни разу не разлучались. От одной мысли, что этот сильный мужчина уедет, внутри становилось неуютно и пусто.

— И надолго ты туда?

— Точно сказать не могу.

Цзыфэн ласково взъерошил его волосы, тепло улыбнувшись:

— Пока мы зафиксировали лишь перемещения зергов, подробностей мало. Поэтому никаких точных сроков назвать не могу. Что, уже скучаешь по мне?

— Ну... есть немного, — буркнул Фаньюань, пряча взгляд. — А мне с тобой нельзя? Вдруг хвори твоих солдат как-то связаны с этими тварями? Я бы мог лечить раненых прямо на месте, без задержек.

С каждым словом собственная идея казалась ему всё более заманчивой:

— К тому же помнишь, я говорил, что некоторые виды насекомых очень ценятся в медицине? Я бы на месте показал, кого из них можно пустить на лекарства. Да и в ядах я толк знаю — соорудил бы какую-нибудь убойную смесь для зачистки гнёзд, вам же проще было бы!

Он вскинул голову, надеясь встретить согласие, но натолкнулся лишь на мягкий, непреклонный взгляд маршала. Юноша обиженно насупил и отвернулся к шкворчащему на огне горшку, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Чистый ребёнок...

— Фаньюань, ты не умеешь сражаться, — мягко возразил Цзыфэн. — На передовой слишком опасно, я буду постоянно отвлекаться, переживая за тебя.

— Зато я умею травить!

— Ты никогда не видел зергов. Вдруг твои снадобья на них попросту не подействуют?

Доктор прикусил язык. Возразить было нечего. Его упрямство разбилось о суровые доводы разума, а на душе вновь заскребли кошки. Стоило представить, что этого человека не будет рядом, как наваливалось прежнее гнетущее чувство одиночества в этом огромном, чужом мире.

Глядя на поникшего паренька, маршал, совершенно не умеющий подбирать нужные слова утешения, лишь неловко погладил его по макушке:

— Но знаешь... если окажется, что ты прав, и за всем этим действительно стоят жуки, обещаю — я тут же примчусь обратно, признаю свою неправоту и заберу тебя с собой. Договорились?

<http://bllate.org/book/18184/1752807>